

© 1991 г.

ГИН Я. И.

К ВОПРОСУ О ПОСТРОЕНИИ ПОЭТИКИ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Неравномерность в изучении отдельных объектов той или иной отрасли науки порождает научные мифы. Отсутствие — полное или почти полное — исследований по проблеме может стать причиной «отрицательного» единодушия специалистов, полагающих, что самой проблемы нет. Но наступает время, когда данный тезис необходимо доказать, — и обнаруживается проблема, очень сложная, трудно разрешимая. Приблизительно такая ситуация сложилась в теории поэтического языка по отношению к морфологическому уровню. Сами термины «поэтика» (или «поэзия») и «грамматика» уже довольно давно употребляются рядом, и их сочетания, первоначально метафорические, уже приобрели почти терминологический статус: «Поэтика в широком смысле есть грамматика поэтического языка и поэтической мысли» [1]; «Антитеза — это своего рода „грамматика поэзии“» [2]; «Поэзия грамматики и грамматика поэзии» [3, 4]. В современной лингвистической поэтике сформулирована перспективная задача создания поэтики лексики, поэтики синтаксиса, поэтики фонологии и поэтики грамматических категорий [5, с. 13]. Построение грамматических категорий (в широком смысле, т. е. включая и лексико-грамматические разряды) стимулируется исследованиями последнего времени по теории грамматических категорий, по функциональной грамматике (то, что поэтика грамматики должна иметь преимущественно функциональную направленность, а не формальную, очевидно). В недавнем опыте функционального синтаксиса стихотворной речи [6] выявлено общее функционирование лексических и грамматических значений — поэтика грамматики призвана исследовать их различие и его причины. Исключительно велика в этом отношении роль трудов Р. О. Якобсона [3]: обратив внимание филологов на поэтическую функцию морфологического уровня, он показал на материале разных поэтических и языковых традиций вклад «поэзии грамматики» в грамматику поэзии, т. е. исследовал проблему в синтагматическом аспекте. Особенно ценным является его анализ грамматической структуры параллелизма.

Очередной и наиболее сложной задачей является рассмотрение проблемы в парадигматике. Однако для ее решения наука оказалась теоретически и методически отчасти не готовой: выработанные ранее исходные принципы исследования обнаруживают здесь свою неэффективность. Господствует убеждение, четко сформулированное Е. Куриловичем: «Центры тяжести при описании разговорного (вообще непоэтического. — Г. Я.) и поэтического языка различны. Центральная часть описания разговорного языка — грамматика — отступает при описании языка на второй план по сравнению с расширенной лексической частью» [7]; ср. также: «Все категории и элементы языка допускают эстетизацию, хотя и предрас-

положены к ней в разной степени: менее всего используется в поэтических целях морфология, более всего — лексика и фонетика» [8]. Такой вывод делается не на основе конкретных исследований, но именно из-за отсутствия работ по поэтике грамматики. Причина же отсутствия специальных исследований в этой области состоит в том, что многие лингвисты априорно ожидают от них отрицательных результатов. Замкнутый круг возник вследствие чрезмерного доверия исследователей к читательскому восприятию художественного текста. Однако в современном стиховедении уже выяснено (и этот урок необходимо учесть лингвопоэтике), что полный переход исследователя на позицию читателя, позицию принципиально антианалитическую, приводит к отождествлению эстетически значимого и индивидуального — грех и против основ лингвопоэтической теории, и против историзма, — к появлению научных фикций, квазипонятий (типа «стих Маяковского», см. [9, с. 372—373]).

Во-первых, отрицательных результатов исследования может избегать только наука, находящаяся на стадии первооткрывательского энтузиазма; теория же поэтического языка имеет большую научную традицию¹ и вступила уже в зрелый возраст. Во-вторых, может ли быть эстетически незначимой или малозначимой вся область грамматической семантики? Действительно, морфология — одна из наиболее автоматизированных сфер в языковом арсенале практической речевой деятельности [13]. Э. Г. Аветян отмечал: «Накладывая ограничения на фонетику и морфологию, язык освобождает человека в синтаксисе и отпускает на простор духовной свободы в стилистике» [14]. Я. Мукаржовский в работе «Литературный язык и поэтический язык» обоснованно утверждал, что в поэтическом тексте «актуализация какого-либо компонента обязательно сопровождается автоматизацией одного или нескольких компонентов» [15, с. 410]. Важным следствием этого тезиса является признание эстетической нацеленности не только актуализированных, но и автоматизированных элементов текста. Но, может быть, морфология оказывается вечной Золушкой, помогающей наиболее рельефно представить игру лексических значений? Такое утверждение противоречило бы нашим представлениям о поэтическом языке: художественная конструкция («поэтический ряд» — по Ю. Н. Тынянову) задает одни и те же «вопросы», предъявляет одни и те же требования по всем уровням языка, а уже каждый уровень «отвечает» тем, чем располагает. Для сравнения можно привести известный в фонетике «парадокс ударения», решенный Н. И. Жинкиным: безударный гласный в слове может быть — по абсолютной шкале — сильнее, громче ударного: последний достигает и даже превышает свой порог громкости, а первый не достигает своего порога, но у него порог выше [16, с. 80—81]. Если же поэтический язык изучать как систему, то и сравнивать художественную нагруженность категорий и единиц языка следует не по абсолютной шкале, а учитывая их эстетическую разнопороговость: ведь не станет фонетист утверждать, что гласный с наименьшим порогом громкости всегда безударен.

Сосредоточившись в основном на изучении лексического уровня, лингвистическая поэтика оперирует нормами литературного языка и нормами писательских диалектов, сопоставляя и противопоставляя два эти типа норм. Лексическая поэтика идет от норм диалекта (обычно хорошо воспринимаемых невооруженным глазом) к нормам групповым, производным от первых: направлений, течений, эпох. Так, довольно хорошо изучен

¹ В нашем веке мы имеем в виду прежде всего — ОПОЯЗ, Московский и Пражский лингвистические кружки, школы В. В. Виноградова и М. М. Бахтина; см. обзоры [10—12].

лингвопоэтический фон начала XIX в. — предпушкинская и пушкинская эпохи (труды С. И. Бернштейна, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, А. Д. Григорьевой, И. С. Ильинской, Б. В. Томашевского и др.). Эти групповые нормы представляют собой нечто среднее между нормами идиолекта и литературного языка (а с течением времени могут перейти и в разряд литературных норм)². Можно ли безоговорочно переносить данные понятия и саму методику анализа в поэтику грамматики? Лексическое и грамматическое значения противопоставлены как «свободное/обязательное», «индивидуальное/категориальное», «главное (в слове) / дополнительное». В сфере лексической полнее и ярче всего выражается авторская индивидуальность, его «насилие» над языком, «преодоление» им материала: лексическая поэтика — поэтика свободы. Грамматическое же значение в большей мере отражает диктат самой языковой системы, «насилие» языка над художественной конструкцией [18]. Грамматику традиционно называли «*ars obligatoria*» — ее поэтика, поэтика обязательности, необходимости, очевидно, характеризуется иной корреляцией норм. Однако обычно вопрос этот решается «по-лексически»: все, что совпадает с нормами литературного языка, относят к этим последним, а в разряд идиолекта попадают различные случаи отклонений от этих норм, писательские «грамматические ошибки». Описание и интерпретация таких «ошибок» могут быть весьма полезными и ценными [19, 20], но полученные при этом данные больше говорят об особенностях того или иного идиолекта, чем о принципах функционирования грамматических значений в поэтической речи.

Грамматическая поэтика имеет дело с тремя типами норм: а) с нормой литературного языка, б) с нормой идиолекта, в) с о б щ е й л и н г в о п о э т и ч е с к о й н о р м о й — своеобразной «результантой» (Ю. Н. Тынянов) двух взаимодействующих рядов — языкового и собственно поэтического. До сих пор факты, относящиеся к последнему типу норм, причислялись то к первому разряду («узальное»), то ко второму («оказиональное»). Общие лингвопоэтические нормы в грамматике отличаются от групповых лингвопоэтических норм в лексике тем, что первые ближе к системным законам и могут быть менее доступны непосредственному наблюдению, читательскому восприятию. Как эстетические нормы, они менее категоричны, императивны, чем общезыковые нормы, и представляют собой скорее тенденции. При построении поэтики грамматических категорий целесообразно идти от установления — для определенной грамматической категории в сочетании с определенным художественным приемом — общей лингвопоэтической нормы, а затем уже, используя ее (а не непосредственно норму литературного языка) как точку отсчета, выявлять особенности идиолекта. Общая лингвопоэтическая норма — величина искомая, а не данная; на наш взгляд, это обстоятельство, а также нацеленность исследователей на идиолектные отличия и создают наибольшие трудности в решении вопроса³. Аналогичен путь исследований и в современной науке о стихе: от выявления общих норм (фона) — к познанию индивидуальных особенностей [9, 21, 22]. Это совпадение неслучайно: обе дисциплины — и стиховедение, и морфология — исследуют реляционные категории.

² Ср. исключительно важное понятие «повествовательной нормы эпохи», касающееся прежде всего синтаксиса и лексики художественной прозы [17].

³ Мы не касаемся лингвопоэтических словообразовательных норм: художественное словотворчество сейчас активно изучается, однако теоретических работ в этой области почти нет. Только будущие исследования покажут, к какому уровню — лексике или морфологии — ближе словообразование в эстетическом плане.

Материалом, лежащим в основании большинства лингвопоэтических концепций, является стихотворная речь, в первую очередь — лирическая. Б. А. Ларин в числе конститутивных признаков лирики «как разновидности художественной речи» назвал традиционность и новизну [23]. Очевидно, основная функция грамматических категорий — в поддержании связи с традицией, тогда как лексика активно участвует и в продолжении традиции, и в создании новизны. Отсюда следует и частный, но принципиально важный вывод: плодотворный путь создания поэтики грамматик — исследование функционирования морфологических категорий в языке фольклора (так, в последнее время появилось много работ лингвофольклористических и — шире — этнолингвистических, но теория поэтического языка продолжает строиться почти исключительно на базе языка художественной литературы).

Думается, целесообразно в рассматриваемом аспекте представить всю совокупность грамматических категорий и лексико-грамматических разрядов русского языка в виде поля, где выделяются центр (ядро) и периферия. К ядерным относятся те категории и разряды, которые играют особенно важную роль в структуре художественного текста (шифтеры) или регулярно подвергаются переосмыслению (например, грамматический род). Задача описания общих лингвопоэтических норм реально осуществима в настоящее время прежде всего для ядерных категорий.

Проведенное нами — на материале фольклорных и литературных текстов XVIII—XX вв. — исследование поэтики грамматической категории рода русских субстантивов (подробнее о этом см. [24—27]), позволило выдвинуть предположение о существовании четырех общих лингвопоэтических норм при персонификации.

Первая, самая очевидная норма охватывает существительные мужского и женского рода: при персонификации выбор семы пола определяется граммемой рода имени. Можно ограничиться одной констатацией снятия противопоставления «пол/род», или «живое/мертвое (техническое) значения» [28, с. 391—392], если исходить из установки, подобной той, что сформулирована в «Тезисах Пражского лингвистического кружка»: «Специфические свойства поэтической речевой деятельности проявляются в отклонении от нормы, причем характер, тенденция и масштаб этого отклонения очень различны» [15, с. 28]. Нейтрализация общезыковых оппозиций в поэтической речи — известное и неоднократно описанное явление. М. В. Пановым был предпринят интересный опыт построения лингвопоэтической теории в виде ряда нейтрализаций противопоставлений: «релевантное/нерелевантное», «язык/речь», «обозначаемое/обозначающее», «нормативное/ненормативное», «синхрония/диахрония» [16, с. 227—243]. На наш взгляд, эта концепция нуждается в дополнении и развитии: сформулированная установка (условно — «деструктивная») была в свое время весьма плодотворной, однако сейчас уже исчерпала свои позитивные возможности (см. обзор [29]) и нуждается в замене «конструктивной» установкой. Перефразируя известное изречение, можно сказать, что языковое правило нарушается в поэтической речи во имя другого, «более прекрасного» правила. Место «преодоленной» языковой оппозиции занимает новая — лингвопоэтическая, или метаграмматическая. Так формируется художественная условность языка: «образ мира, в слове явленный» (Б. Л. Пастернак) обязательно включает и образ самого слова (языка). Например, противопоставление «род/пол» при персонификации вытесняется противопоставлением «общезыковой/лингвопоэтический признаки пола», которые различаются се-

мантически: как «элемент лексического значения/относительно автономный семантический признак», «преимущественно отражательная/преимущественно интерпретационная категория» [30], «биологический пол/комплекс транспонированных антропоморфических отношений», — и формально: как «более выраженная/менее выраженная (скрытая) категории».

Вторая норма охватывает все субстантивы и состоит в том, что нарушается общезыковая импликация: олицетворенное существительное, получающее значение пола, имеет тенденцию оставаться морфологически неодушевленным, например: а) Судорога вышла замуж за *спазм* (Н. И. Страхов); б) Угораздило *кофейник* с вилкой в роще погулять (А. К. Толстой); в) Луна чрезвычайно в *самовар* влюблена (М. Горький). При персонификации категория одушевленности — неодушевленности закономерно оказывается «аутсайдером» в семантическом отношении. В русском языке слова переходят в разряд одушевленных при смене всего денотата (*дуб*, *мешок* и т. п.), а при олицетворении денотат оказывается в целом тождественным себе. Изменяются только его отдельные характеристики — данная категория не в силах отразить такие трансформации. Бесконечные выразительные возможности языка складываются из ограниченных возможностей его единиц и категорий. Грамматическое значение связано с грамматической формой и даже обусловлено ею, и его выразительные возможности существенно ограничены: исследование пределов эстетических потенций — вот новая проблема, которую позволяет поставить перед теорией поэтического языка поэтика грамматики.

Третья и четвертая нормы касаются субстантивов среднего рода. Во-первых, выбор семы пола у этих имен может быть косвенно мотивирован: по ассоциации с субстантивом мужского или женского рода (типа: *Солнце* — брат *Месяца*) или же методом «от противного» (типа: *Солнце* — брат или муж *Луны*). Во-вторых, прослеживается тенденция к преодолению среднего рода родом-полом: род и пол в русском языке тесно связаны (в отличие от немецкого: ср., например, *das Weib*.) и потому субстантив, имеющий сему пола, не может принадлежать к среднему роду. Эта тенденция прослеживается в разных формах: а) *Горе одета* во все белое; (*Горе* говорит) *Я неदेशняя* (В. Хлебников); б) Я крикнул солнцу: «Дармоед! *Занежен* в облака ты!» (В. В. Маяковский); (*Книжка* обращается к Пресс-Папье) — *Грязнуля*, — сказала она, — *Посмотри, ты весь* в чернилах! (Ф. Д. Кривин).

Из четырех отмеченных норм только первая является предметом читательской рефлексии, а потому и привлекала внимание филологов. Остальные три почти или же совсем не замечались как нерелевантные. Однако третья норма не менее строго соблюдается, чем первая⁴; несколько слабее — вторая, и самая слабая — четвертая⁵.

Среди шифтерных категорий исключительный интерес представляет категория лица местоимений и глаголов, формирующая коммуникативную структуру поэтического текста [32]. Исследователями отмечены случаи

⁴ Редкий случай нарушения этой нормы в стихотворении К. К. Случевского «Прощание лета», где лето играет женскую, а земля — мужскую роль, вызвал критику А. А. Григорьева [28, с. 249—250] (ср. в народных загадках: *лето* — муж *весны*, *осени* или *зимы*).

⁵ В привлеченном внимании пушкинистов обращении к морю в мужском роде (*Но ты възграл, неодолимый; Ты ждал, ты звал*) [31] следует различать уровень общей лингвопоэтической нормы и уровень идиолекта; к последнему относятся только выбранные поэтом средства «преодоления» среднего рода (*друг*, *океан* и др.).

резкого переключения грамматического лица (реже — времени) в пределах одного текста или даже предложения у В. Хлебникова типа «Вы недовольны, о государства // И их правительства» (см. об этом [33—35]). Являются ли подобные примеры чистым грамматическим окказионализмом? Видимо, нет: в стихотворной речи регулярно встречаются переключения лица, например: а) (3 л.) Выходил *молодец* да из подземелья... → (1 л.). Надо *мною* да над молодцом подсмеяйтце... (Народная песня о Горе в записи Н. Е. Ончукова); б) (3 л.) *Фонтан* сияющий *клубится*... → (2 л.) Как жадно к небу *рвешься ты!* (Ф. И. Тютчев). И. И. Ковтунова интерпретирует некоторые такие случаи как «перенесение предмета речи в другое пространство» [5, с. 92—96]. Очевидно, при этом реализуется интерпретационный потенциал категории лица; можно полагать, что в поэтической речи существует тенденция к расширению интерпретационной семантики у грамматических категорий. Если в фольклоре преобладают переключения типа «1 л. ⇔ 3 л.» [36], то в литературе, видимо, — «2 л. ⇔ 3 л.». Важно, учитывая противоположность литературной и фольклорной коммуникаций, сопоставить эти две системы в данном аспекте — найти общее и различное в причинах, условиях, формах и функциях смены граммем категории лица. Сама же эта смена представляет собой еще не исследованную общую лингвопоэтическую норму, в которую вписываются и экстраординарные примеры из Хлебникова: поэт—будетлянин применил в грамматике технику микромонтажа, или сочетания формально различных фрагментов минимальной величины. В поэтическом языке XX в. тенденция к микромонтажу прослеживается и в стилистической [37], и в метрической (ср. микрополиметрию [22, с. 215—217], и, как мы видели, в грамматической структурах; связь всех трех процессов наглядно проступает в таком произведении, как «Торжество земледелия» Н. А. Заболоцкого, где элементы микрополиметрии сочетаются с резкими переключениями временных планов и со стилистическими словами.

Источником тонкого художественного эффекта может стать само распределение граммем категории лица, как, например, в стихотворении О. Э. Мандельштама «О временах простых и грубых...»:

На стук в железные ворота
Привратник, царственно ленив,
Встал, и звериная зевота
Напомнила твой образ, скиф.

Грамматический парадокс здесь состоит в том, что о близком (в пространстве и во времени) привратнике говорится в 3 л., а о далеком скифе — во 2 л. Поэт добивается обратной перспективы: хронотоп внутреннего мира оказывается обращенным внешним (реальным) хронотопом, трансформируется речевая коммуникативная ось «я — здесь — сейчас»⁶.

Итак, мы можем подвести предварительные итоги исследованию соотношения трех типов норм в поэтическом языке. Общая лингвопоэтическая норма (ОЛПН) может представлять собою как формальное отклонение от нормы литературного языка (НЛЯ), так и совпадение с ней; индиви-

⁶ Н. И. Харджиев отметил связь этого текста со стихотворением Ф. И. Тютчева «Н. Ф. Щербине» [38] [у Тютчева находим переход от 2 л. (обращение к Щербине) к 3 л. (речь об «узнике эллинском» у скифов)]. Добавим также, что строка «Когда с дряхлеющей любовью...» у Мандельштама напоминает о другом стихотворении Тютчева — «Когда дряхлеющие силы...» (которое заканчивается сентенцией о «старческой любви»).

дуальная же лингвопоэтическая норма (ИЛПН) может представлять собой как результат следования общей норме, так и ее нарушения⁷:

НЛЯ	ОЛПН	ИЛПН
+	+	+
+	-	+
-	+	+
-	-	+

Очевидно, ИЛПН не нарушается писателем; исключения могут представлять случаи, когда автор отступает от им же эксплицированной нормы, но тогда можно говорить о двух индивидуальных нормах — осознанной и неосознанной.

Такие явления, как резкие переключения лица у В. Хлебникова или декорреляция рода и пола при персонификации (ср., например, у С. И. Кирсанова: Мяч говорит: «Согласна я стать твоей женой...»), воспринимаются как одинаково «неправильные», но поэтика грамматики позволяет увидеть их глубокое и принципиальное различие: в первом случае ИЛПН, нарушающая НЛЯ, есть творческое развитие ОЛПН (соответствует третьей строке нашей таблицы); во втором случае — ИЛПН представляет собой отклонение от ОЛПН (соответствует четвертой строке). Особенно любопытна вторая строка таблицы: ОЛПН состоит в отклонении от НЛЯ, но ИЛПН не нарушает последнюю; если такие примеры существуют, то заслуживают специального рассмотрения.

Поскольку специальные нормы поэтического языка являются по характеру лингвопоэтическими, необходимо выработать методику лингвопоэтического исследования грамматических категорий, сочетающую приемы как лингвистического, так и общепилологического анализа. Лингвопоэтическому рассмотрению необходимо подвергнуть и относительно редкие, но в высшей степени показательные случаи метаграмматической рефлексии художников слова, например: Между «помнить» и «вспомнить», други, // Расстояние, как от Луги // До страны атласных баут (А. А. Ахматова); Чтобы шла по далям живописным // Молодость в единственном числе (М. А. Светлов). Исключительный интерес представляют и мысли о грамматике в «поэтической филологии», т. е. в работах самих писателей о литературе и языке. Многие из высказанных там идей и догадок требуют осторожной и вдумчивой интерпретации, своеобразного перевода на язык науки (к примеру, рассуждения О. Э. Менделыштама в «Разговоре о Данте» о функции разных падежей в поэзии). Актуальным и ценным для лингвистов, а не только для писателей остается завет С. Я. Маршака: «Немногие из людей, занимающихся поэзией, ценят настоящему грамматике».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шпет Г. Г. Эстетические фрагменты. Вып. 2. Пб., 1923. С. 66.
2. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 132.
3. Jakobson R. Selected writings. V. 3: Poetry of grammar and grammar of poetry. The Hague; Paris, 1981.
4. Шапир М. И. «Грамматика поэзии» и его создатели (Теория поэтического языка у Г. О. Винокура и Р. О. Якобсона) // ИАН СЛЯ. 1987. № 3.
5. Григорьев В. П. Поэтика слова. М., 1979.
6. Костюнова И. И. Поэтический синтаксис. М., 1986.
7. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 424.

⁷ Плюс означает соблюдение нормы, а минус — отклонение от нее.

8. Арутюнова Н. Д. Функции языка // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. С. 386.
9. Гаспаров М. Л. Современный русский стих: Метрика и ритмика. М., 1974.
10. Леонтьев А. А. Исследования поэтической речи // Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968. С. 143—153.
11. Ivanov V. Growth of the theoretical framework of modern poetics // Current trends in linguistics. V. 12: Linguistics and adjacent arts and sciences. The Hague; Paris, 1974.
12. Проблемы лингвистической поэтики. М., 1982.
13. Якубинский Л. П. Избр. работы: Язык и его функционирование. М., 1986. С. 53.
14. Аветян Э. Г. Объектная мотивация поэтического текста // Восприятие языкового значения. Калининград, 1980. С. 124.
15. Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
16. Панов М. В. Современный русский язык: Фонетика. М., 1979.
17. Левин В. Д. Литературный язык и художественное повествование // Вопросы языка современной русской литературы. М., 1971.
18. Сэпир Э. Язык. М.: Л., 1934. С. 173—174.
19. Ревзина О. Г. «Грамматические ошибки» Блока // Сб. статей по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973.
20. Кнорина Л. В. Грамматика и норма в поэтической речи (на материале поэзии Б. Л. Пастернака) // Проблемы структурной лингвистики. 1980. М., 1982.
21. Тарановски К. Руски дводелни ритмови. Београд, 1953.
22. Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. М., 1984.
23. Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974. С. 67, 100.
24. Гин Я. И. Грамматический род как категория поэтического языка (на материале русского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1985.
25. Гин Я. И. Грамматические особенности олицетворения существительного «горе» // Язык русского фольклора. Петрозаводск, 1985.
26. Гин Я. И. К истолкованию финала плача Ярославны // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986.
27. Гин Я. И. О корреляции рода и пола при олицетворении // Проблемы структурной лингвистики. 1985. М., 1989.
28. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
29. Золян С. Т. О соотношении языкового и поэтического смыслов. Ереван, 1985.
30. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.
31. Лотман Ю. М. Три заметки о Пушкине: 2. Почему море в мужском роде? // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979.
32. Левин Ю. И. Лирика с коммуникативной точки зрения // Structure of texts and semiotics of culture. The Hague; Paris, 1973.
33. Якобсон Р. О. Новейшая русская поэзия. набросок первый: В. Хлебников. Прага, 1921. С. 34.
34. Успенский Б. А. К поэтике Хлебникова: Проблемы композиции // Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973.
35. Григорьев В. П. Грамматика идностиля: В. Хлебников. М., 1983. С. 187.
36. Медриш Д. Н. Литература и фольклорная традиция: Вопросы поэтики. Саратов, 1980.
37. Панов М. В. Стилистика // Русский язык и советское общество: Проспект. Алма-Ата, 1962. С. 107.
38. Харджиев Н. И. Примечания // Мандельштам О. Э. Стихотворения. Л., 1974. С. 264.